

Партизаны
Сыновья
уходят в бой

Из собрания сочинений

Партизаны. Война под крышами
Партизаны. Сыновья уходят в бой
Каратели
Хатынская повесть
Последняя пастораль

Алесь Адамович
Из собрания сочинений

ПАРТИЗАНЫ СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
А28

Адамович, А.

А28 Партизаны. Сыновья уходят в бой / А. Адамович. –
М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 472 с.

ISBN 978-5-521-74276-9

Дилогия Алеся Адамовича «Партизаны» - мощнейшее произведение классика советской литературы, белорусского писателя Алеся Адамовича о войне, о материнской любви и любви к Родине, о самопожертвовании и вере в победу. Роман «Сыновья уходят в бой» - продолжение первой книги «Война под крышами». Литературный образ Анны Михайловны Корзун - одной из главных героинь дилогии - Алесь Адамович создавал, опираясь на жизненный опыт своей матери. Позже он отметил: «Если мне что и удалось в романе «Война под крышами», то это потому, что прежде эту книгу мать написала собственной жизнью». По сюжету дилогии в конце 1960-х гг. режиссером Виктором Туровым были сняты одноименные художественные фильмы, для которых Владимир Высоцкий написал свой цикл военных песен, а главную роль сыграла известная актриса Нина Ургант.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC004000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.М. Адамович,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74276-9

Потухай, вечерняя заря, потухай,
Залегай, хлопцы, по оврагам, залегай!
Долго, долго заря не потухала,
Партизанскую беседу услышала:
«На зеленом болоте орленку не жить —
Удалой тебе головы, сынок, не сносить.
Удалую голову высоко не подымай,
Родимую матушку не забывай...»
Пулеметная очередь часто застрочила,
Молодая березка листочек уронила.
Молодая березка зазеленеет опять...

Из народной песни

Часть первая

Уже шестнадцать

I

Толстые темные ели как часовые. Будто передают тебя от поворота к повороту. Толя остановился у соснового пня, облитого льдом. Ничего площадочка — хату можно поставить! И как только спилили этакое деревце. Стал на пень, прошелся. Четыре шага. Посмотрел на облака, пробегающие в небе. Глянул на уходящую вдаль просеку. Так и кажется, что проложила ее рухнувшая сосна.

— Силен лес! — похвалил и как бы похвастался Коваленок.

Силен, конечно. Но было бы удивительно, если бы партизанский лес был обычный. А Ковалёнок здесь как дома, позавидовать можно. Полушубком где-то разжился, полы широкие, а выше — как раз по его девичьей талии. Шагает, сбивая каблуками хромовых сапог звонкие комочки мерзлой грязи, льда. И сам — звенящий, поскрипывающий: опоясан ремнями, украшен пряжками, даже свисток зачем-то на груди болтается. И ямки у рта, и шутовские усики-ниточки — все такое разванюшинское, знакомое.

Началась грабовая роща. Сразу посветлело в лесу. После хвойной зелени сучья граба такие голые, мерт-

вые. Голубоватая и будто с подтеками кора заставляет вспомнить открытые всем дождям холодные печи в сожженных Вьюнах. Там Толя жил последние две недели. А где-то в Лесной Селибе помнят, думают о нем, как о настоящем партизане.

Проревел совсем недалеко самолет, высыпал крупную пулеметную дробь.

— Начинается, — говорит Ковалёнок, сразу загора-
ясь.

Все-таки хорошо, что Толя уже в партизанском лесу. И пост остался позади. Тут можно быть спокойным: партизаны знают, что надо делать, когда немцы близко.

Впереди заиграл просвет. У дороги собралось несколько неприбранных мартовских березок. Кажется, они сбежались, а потом удивленно расступились, образовав круг. А в кругу на обледенелых прошлогодних листьях, чернеющих в ноздреватом, как обсосанный сахар, снегу, играют солнечные блики. Показалось даже — звенят.

Из-за поворота на дорогу вышел человек с автоматом под локтем, остановился, кого-то поджидая. Очень бледное лицо человека кажется совсем меловым от спадающих на лоб из-под кубанки волос, от черного мазка квадратных усиков. И в одежде он такой же черно-белый: короткая, отороченная белым мехом венгерка, белая кубанка с черным верхом, темное галифе.

Глаза выпуклые, черные до блеска.

Толя уже видел однажды эти горящие выпуклые глаза. Это Сырокваш, начальник штаба.

Мимо пробежали двое с винтовками на весу. А из-за поворота идут и идут партизаны. Толя с гордостью отмечает: много пулеметов. У рослого пулеметчика, посмотревшего на Толю, красивая черная борода, хотя лицо румяное, молодое.

— Откуда, Разванюша, немцев ведешь? — спрашивает у Коваленка Сырокваш, и на лице его вспыхивает короткая усмешка. Толя с готовностью ответил на улыбку партизана. О, Толя понимает, как это хорошо — идти навстречу бою и шутить.

— Разрешите с вами! — выкрикнул Коваленок. Зачем-то поправил белые отвороты хромовых голенищ: можно подумать — его пригласили в круг танцевать.

У Толи нет оружия. Кроме того, его ждут в лагере...

— Иди, наш будан¹ первый, — говорит Коваленок.

Где-то на краю леса снова взревел самолет, сбросил бомбы, эхо закричало и понеслось по лесу. Совсем недалеко отстукивает короткие очереди пулемет.

Мимо уже бежали. Вот и Комлев, дядька Разванюши, грузный, с тяжелым взглядом. Алексея не видно.

Сразу за поворотом большущий шалаш из побуревшего елового лапника. Вот оно — партизанское жилье. Толя несмело заглянул в огромный будан.

По обе стороны — отгороженное бревнами место, где спят. Цветные домотканые постилки, серые и зеленые немецкие одеяла, тулупы, ватники. В дальнем углу — ярким пятном — светло-желтое стеганое одеяло. Толя сразу узнал свое и обрадовался, будто знакомого увидел.

¹ Шалаш (бел.).

А в проходе, в трех местах — толстые обгоревшие березовые плахи. Видно, что костры наскоро присыпали снегом, и они все еще тлеют.

Закинув голову, Толя смотрел на гирлянды саж, колеблющиеся от теплого дыма. Грубо, огромно, неудобно и захватывающе — как замок!

Потрогал ствол станкача, прикрытого красной попоной. Прошел в глубь будана. Шаги у входа. Повернулся — мама!

Обрадовалась и напугалась:

— Вы там шли, немцы там!..

В плюшевой жакетке, в сапогах, без платка. Лицо незнакомо молодое. И очень озабоченное. Как будто она все еще в Лесной Селибе — окно в окно с комендатурой, как будто не позади все самое страшное!

— Ноги промокли?

Ну, допустим, промокли. Но из-за этого такой озабоченной быть?

— На — сухие, — говорит мать, доставая из вещмешка чистые портянки. — Как это мы не сообразили хоть сапоги хорошие сделать. Все оставили, как в гости шли.

— Сапоги — подумаешь! Достают же. Немецкие.

— Это дома все так казалось.

Про Алексея сказала тихо:

— Ушел на железную дорогу. С Пахутой, с подрывниками.

Взяла из угла санитарную сумку, раскрыла. Толя заглянул:

— О, индивидуальные пакеты! Я возьму.

— Зачем? — даже сердито сказала мать. Но тут